

Екатерина Мордвинцева

Чешуя на сердце

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Чешуя на сердце / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 204 с.

ISBN 978-5-524-00465-9

Она – его единственный страх. Она – его единственное спасение.

Граф Дамиан Вуд не выходит из замка уже десять лет. Говорят, он чудовище. Говорят, по ночам из леса доносится рык. Лина, простая травница, не верит слухам. Пока не видит его глаза – то человеческие, то хищные. Пока не чувствует жар, идущий от его рук. Пока не понимает: он – дракон. И она – его проклятие. И его единственная надежда.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00465-9

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Лина никогда не боялась леса по ночам.

Странно, да? Все в деревне Угольный Ключ говорили, что девчонке давно пора научиться бояться. Что в её возрасте – а ей только-только исполнилось десять, и она уже считала себя почти взрослой – положено вздрагивать от каждого треска ветки, креститься на чёрные стволы и слушаться мать, когда та велит сидеть в избе после заката.

Но Лина не слушалась.

Не потому, что была непослушной. Просто лес по ночам казался ей честнее, чем деревня днём. Днём соседки улыбались матери в лицо, а за спиной шептались про «вдовью долю» и «девку без отца». Днём староста делал вид, что заботится о бедных, а сам отмерял самые гнилые дрова для их дома. Днём все врал.

Ночью лес не врал. Он молчал. Иногда – угрожающе. Иногда – равнодушно. Но никогда – лживо.

И сейчас, в конце августа, когда воздух уже пах первым, ещё робким, дыханием осени, Лина сидела на нижней ветке старого дуба на опушке и смотрела в небо.

Небо сегодня было особенным.

Оно не походило на проткнутый углями бархат, как обычно. Оно было чистым, невыносимо чистым – таким, что звёзды казались не точками, а маленькими трещинами в твёрдой тьме, сквозь которые проливался настоящий, неземной свет. Лина любила такие ночи. Мать говорила – к морозу. Лина думала – к чуду.

Она ошибалась.

Чудо пришло не с тихим шёпотом звёзд.

Чудо рухнуло с рёвом, от которого у старого дуба лопнула кора на стволе. Сначала – свет.

Лина никогда не видела такого света, даже на ярмарке в Городе, где кузнецы пускали фейерверки из медных опилок. Этот свет был

живым. Он был белым в своей середине, но по краям перетекал в золото, потом в киноварь, потом в такой густой, почти чёрный багрянец, что у Лины защипало в глазах.

А потом – звук.

Не гром. Гром – это буханье, это тяжёлое ворчание туч, от которого закладывает уши. Это было нечто другое. Это был крик. Долгий, высокий, такой пронзительный, что Лина зажала уши ладонями, но всё равно услышала – не ушами, а каждой косточкой, каждым зубом, каждой каплей крови в жилах.

Предсмертный крик.

Вот как это звучало. Как будто в небе кто-то огромный и древний умирал, не желая уступить.

И затем – тишина.

Такая резкая, такая полная, что Лина не сразу поняла – она упала с ветки. Боль в локте пришла позже, когда она уже стояла на четвереньках, глядя в ту сторону, куда упал... предмет? Звезда? Осколок?

Она не знала, как это назвать. Значит, «оно».

Оно упало где-то в глубине леса. Лина видела столб дыма, поднимающийся над верхушками сосен, и слабое, уже угасающее свечение. Где-то в трёх переходах, на краю Волчьего Оврага. Место, куда даже дровосеки не ходили по ночам.

Лина побежала.

Сейчас, спустя много лет, она не могла бы объяснить, зачем побежала. Не любопытство. Не глупость. Не детское «а что там?». Было что-то другое. Зов, которого не было в словах. Как будто в том свете, в том умирающем крике была нитка, и эта нитка на миг привязалась к её рёбрам изнутри и потянула.

Вперёд. Туда. Не думай. И она не думала.

Она бежала босиком по мху, по острым корням, по прошлогодним шишкам, которые впивались в пятки. Её единственное хорошее платье – ситцевое, с мелкими васильками, подаренное к прошлому дню рождения – сразу порвалось о сучок, но Лина даже не остано-

вилась. Коса расплелась, чёрные волосы хлестали по лицу, ветки царапали щёки.

Где-то за спиной залаяла деревенская собака. Кто-то зажжёт фонарь – крошечное жёлтое пятно на краю поля.

Лина не оглядывалась.

Лес кончался. Вернее, привычный лес – чистый, с редким подлеском, где можно было гулять даже в сумерках – остался позади. Теперь начались старые дебри. Те самые, о которых мать говорила: «Если пойдёшь туда, я умру от горя, потому что тебя сожрут волки или заберут лесные».

Волков Лина боялась.

Но сегодня – не больше, чем собственного дыхания, которое вдруг стало таким громким, таким тяжёлым, как будто она несла на плечах не своё детское тело, а весь этот лес с его корнями и мхами.

И она почти добралась.

Вот он – Волчий Овраг. В темноте его не было видно, но Лина знала: здесь земля уходит вниз крутым уступом, а на дне течёт ручей с чёрной, холодной водой. Местные говорили, что в том ручье утопилась ведьма лет сто назад, и теперь вода помнит обиду.

Но сегодня вода не имела значения. Потому что всё дно оврага светилось. Лина остановилась на краю.

Свечение шло не от воды. Оно шло от воронки.

Огромной, в три человеческих роста шириной и глубиной – не разглядишь, потому что края обвалились и дым всё ещё стелился по днищу, как живой туман. Земля вокруг оплавилась, превратилась в чёрное стекло, в котором отражались звёзды. Деревья, стоявшие слишком близко, были сломаны, как спички. Одно горело – не огнём, а тем же странным, холодным, серебристым пламенем.

Запах.

Лина втянула носом воздух и не смогла определить запах. Это не было гарью. Это не было озоном, как после грозы. Это было чем-то древним, забытым – горьким и сладким одновременно, как

лепестки вороньего цвета, которые бабка Злата вешала на чердаке «от лихоманки».

И под этим запахом – металл. Очень много металла. Свежего, острого, живого.

– Эй, – позвала Лина тихо. Голос прозвучал тонко и глупо в этой мёртвой тишине. – Тут кто?

Никто не ответил.

Но она почувствовала.

Там, на дне воронки, кто-то был. Не «что-то» – «кто-то». Живой. Дышащий. Раненный.

Лина не стала думать. Если бы она начала думать – о том, что у неё нет верёвки, что она в одной рубашке под порванным платьем, что мать убьёт её, если узнает, что она вообще ушла из дома в ночь – она бы не спустилась.

Она спустилась.

Босиком по оплавленной земле, которая всё ещё была горячей – не обжигала, но грела ступни через кожу, как печка в бане. По осыпающимся камням, которые выскальзывали из-под ног и падали вниз с сухим стуком. По краю – туда, где дым рассеивался, открывая...

Она увидела его не сразу.

Сначала она увидела следы. Борозды в земле – длинные, глубокие, будто что-то огромное пропахало днище оврага, пытаясь затормозить. Потом – куски металла, странного, не похожего ни на железо, ни на медь, ни на серебро. Они блестели, как чешуя рыбы, вытащенной из самой глубокой заводи. Некоторые были размером с ладонь, другие – с её голову.

И потом – тело.

Маленькое. Человеческое. Мальчик.

Он лежал на боку, скрючившись, поджав колени к груди – как зародыш в утробе, только этот зародыш был весь в чёрном. Одежда – не одежда, а какая-то тёмная, струящаяся ткань, похожая на дым, который решил принять форму плаща. Ткань была разорвана, и сквозь прорехи Лина видела кожу.

Не такую, как у неё.

Бледную. Не просто белую – белую до синевы, как у тех, кто долго лежит под снегом. Но сквозь эту бледность проступали тени. Где-то в районе ключиц – золотая, под кожей, как будто там светилась жила. На рёбрах – тёмная, фиолетовая, похожая на синяк, но если приглядеться – на чешую.

На чешую.

Лина замерла на миг.

А потом он поднял голову.

Она никогда не видела таких глаз.

Они были серебряными, но не как старое бабушкино кольцо и не как ложка, которой мать мешает щи. Нет. Как настоящая луна в полнолетье, когда она висит над самой крышей, огромная, тихая, равнодушная. Но в этих глазах не было равнодушия. В них была такая боль, что у Лины перехватило дыхание.

Боль и ещё кое-что.

Страх. Мальчик – а ему было, наверное, столько же, сколько ей, лет десять или чуть больше – боялся.

Её.

Он боялся простую девчонку в порванном платье с васильками.

– Не подходи, – сказал он. Голос был тихим, хриплым, как у kota, который надышался дымом. Но в этом голосе было что-то такое, от чего у Лины зачесались ладони. Власть. Не человеческая. Древняя. – Умрёшь.

– Почему? – спросила Лина и шагнула вперёд.

Мальчик попытался отползти, но его левая нога лежала странно – слишком расслабленно, как чужая, и он не мог на неё опереться. Из-под разорванной ткани сочилось...

Не кровь.

Жидкость. Тягучая, золотистая, похожая на мёд, если мёд мог бы светиться изнутри слабым, больным светом. И из этой жидкости, падая на землю, вылетали искры. Маленькие, шипящие, которые прожигали в оплавленной земле крошечные чёрные дырочки.

– Потому что, – мальчик усмехнулся, и в этой усмешке не было насмешки – только усталость, такая глубокая, что она подходила не ребёнку, а столетнему старцу, – потому что я чудовище, девочка. И чудовища не заслуживают жалости.

Лина села на корточки.

Она не знала, что её держит. Не смелость – смелость бывает громкой, она звенит в ушах и стучит в висках. Здесь было тихо. Спокойно. Как тогда, когда мать в жар опускает ей на лоб мокрую тряпицу.

– Ты не чудовище, – сказала она просто. – Ты мальчик, который упал с неба. И у тебя идёт... что это вообще?

– Ихор. – Он говорил, как будто каждое слово стоило ему удара в грудь. – Кровь моего народа. Она жжёт. Она всегда жжёт. Если ты дотронешься до неё, твоя рука сгорит до кости за минуту.

Лина посмотрела на золотистые капли, которые всё ещё сочились из раны на его боку. Посмотрела на свою руку. Потом снова на него.

– А если не дотрагиваться?

Мальчик непонимающе моргнул. Ресницы у него были тёмными, почти чёрными – странный контраст с серебряными глазами и белой-белой кожей.

– Что?

– Если не дотрагиваться до ихора, то можно перевязать рану сверху. Я умею. Мать показала. Она говорит, я рождена быть травницей, потому что у меня лёгкая рука. Ни одного нарыва не было после моих повязок.

Он смотрел на неё так, словно она предложила ему станцевать на крыше.

– Ты не понимаешь, – выдохнул он. – Я Дракон. Настоящий. Я сжёг три деревни, когда мне было семь лет. Я убивал. Я буду убивать снова. Моя природа – огонь и смерть. А ты... ты просто ребёнок. Иди домой.

Пожалуйста.

«Пожалуйста» сломалось в конце. Настоящее, человеческое, отчаянное «пожалуйста», которое говорят только те, кто уже не надеется. Лина сорвала ленту.

Это была обычная лента. Мать привезла её с ярмарки за три года до того, когда у них ещё был отец и когда деньги водились в доме. Лента была шёлковой, выцветшей от времени, некогда алой, а теперь – розовой, как утренняя заря. С одного края она уже начала распускаться, и Лина всё собиралась её подшить, но всё забывала.

Сейчас она оторвала этот распутившийся край, получилась длинная, тонкая полоска. Хватило бы перевязать запястье. Для раны на боку мальчика – слишком мало.

Но другой не было.

– Не двигайся, – сказала Лина тем голосом, который сама от себя не ожидала. Спокойным. Взрослым. Таким, каким мать разговаривала с больными, когда те метались в горячке. – Я не сделаю больно.

– Ты не можешь... – начал он.

– Я сказала: не двигайся.

Она не дотрагивалась до ихора. Она аккуратно, очень аккуратно, приподняла край разорванной ткани и увидела рану.

И чуть не закричала.

В ране не было плоти и крови. Там была пустота. Буквально – кусок его бока отсутствовал, и в этой дыре Лина видела... небо. Звёзды. Облака, которые медленно плыли где-то далеко-далеко, как будто тело мальчика было окном в другой мир. Но края раны светились золотом, и оттуда, из звёздной пустоты, сочился всё тот же ихор.

Она не поняла, что увидела. Её детский мозг отказывался принимать эту картину. Поэтому Лина просто закрыла глаза, нащупала край раны – сухой и горячий, как кожа только что испечённого хлеба – и начала бинтовать.

Лента легла на рану. Ихор не прожёт её.

Лента впитала золотистую жидкость и стала тяжёлой, странной – как будто превратилась в металл, но осталась мягкой. Мальчик под её пальцами вздрогнул. Всё его тело – такое маленькое, такое хрупкое на вид – напряглось, как тетива.

– Не больно, – прошептал он, и в этом шёпоте было удивление. – Почему не больно? Я всегда... всё, что касается моей раны... жжёт. Даже вода.

Даже воздух. А ты...

– У меня лёгкая рука, – повторила Лина, завязывая узел. – Я же сказала. Она открыла глаза.

Лента лежала на ране плотно, аккуратно – так, как учат матери-травницы. И странное дело – края раны, которые раньше светились золотом и сочились ихором, начали темнеть. Затягиваться. Не заживать полностью, конечно – но хотя бы перестали кровоточить этой нечеловеческой кровью.

Мальчик смотрел на неё.

Не как на чудо. Не как на врага. Он смотрел так, как, наверное, смотрит человек, который всю жизнь прожил в тёмной яме без окон и вдруг увидел солнце.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Лина.

– Лина, – повторил он, и её имя в его устах прозвучало как песня. Короткая, на одной ноте, но такая чистая, что у девочки заныло под ложечкой. – Меня зовут Дамиан. Я – последний из рода Золотых Утёсов. И я упал не с неба. Меня сбросили.

Они проговорили, наверное, час. Может, больше. Лина не следила за временем.

Он рассказывал странно – обрывками, как человек, который привык говорить сам с собой и забыл, как разговаривать с другими. Но она слушала.

О мире за горами, где люди не правят, а служат. Где Древние Роды – драконы, принимающие человеческий облик – живут в замках из обсидиана и спят на золоте. Где правят не короли, а Совет Чешуи. Где его род владел плодородными землями и чистыми источниками, пока другой род – Чёрные Когти – не решил, что Золотые Утёсы должны умереть.